

Лажечников Иван Иванович

Опричник

Трагедия в 5 действиях, в стихах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Иванович Л.**
Опричник: Трагедия в 5 действиях, в стихах / Лажечников Иван Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 162 с.

ISBN 978-5-519-92274-6

ISBN 978-5-519-92274-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Опричникъ» написанъ мною въ 1842 году. Сеньковскій хотѣлъ помѣстить его въ издаваемой имъ тогда «Библіотекѣ для чтенія». Но когда драма поступила на разсмотрѣніе цензора, послѣ многихъ колебаній, наложено было на нее неумолимое veto. Она разошлась однакожь въ многочисленныхъ рукописяхъ, часто искаженныхъ переписчиками и даже передѣланныхъ по вкусу ихъ. Бѣлинскому она очень нравилась и онъ совѣтовалъ мнѣ поберечь ее до болѣе счастливаго времени. Для представленія же на сценѣ находилъ нужнымъ урѣзать нѣкоторыя мѣста въ 1-мъ дѣйствіи, замедлявшія движеніе пьесы. Это замѣчаніе подтвердили московскіе артисты и я, по соглашенію съ ними, урѣзалъ что возможно было. Неизвѣстно мнѣ, сдѣлано ли то же на петербургской сценѣ. Бѣлинскій замѣтилъ мнѣ также, что конецъ драмы не русскій. Въ рукописи, которую читалъ нашъ знаменитый критикъ, Наталію Жемчужную

со свадебнаго пира увлекають опричники на *смотръ* къ Грозному, любострастному аматеру прекраснаго пола. Напуганная разказами о *полутемныхъ* дѣлахъ въ Александровской слободѣ, она умоляетъ Морозова, съ которымъ только что повѣнчалась, лучше убить ее, чѣмъ допустить до позора — и Морозовъ убиваетъ ее. Бѣлинскій находилъ, что этотъ поступокъ сроденъ характеру Итальянца или Испанца, а не Русскаго. На этомъ возникъ у насъ горячій споръ. Когда я въ 1859 году отдавалъ драму въ печать, я сталъ на сторонѣ его и передѣлалъ конецъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она помѣщена тогда въ «Русскомъ Словѣ», во время издательства этого журнала графомъ Кушелевымъ-Безбородко и въ какомъ нынѣ напечатана. Наконецъ «Опричникъ» явился на сценѣ. Успѣхъ его на ней застрахованъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему петербургскою и особенно московскою публикой. Долгомъ почитаю заявить, что успѣхомъ на московской сценѣ обязанъ я много здѣшнимъ артистамъ. Критика упрекала меня, что я ничего новаго не сказалъ объ Іоаннѣ Грозномъ. Спрашиваю, что новаго сказалъ о немъ графъ Толстой въ художественной хроникѣ своей: *Смерть Грознаго*? Что новаго могъ я сказать въ своей драмѣ? По крайней мѣрѣ, никто оспаривать не будетъ, что я первый замыслилъ вывести эту гигантскую фигуру на сцену — и прибавить могу, въ одинъ изъ самыхъ интерес-

ныхъ фазисовъ его царствованія: борьбу опричины съ земщиной. Выполнилъ ли я свою задачу, это дѣло другое. Поле драматурга стѣснено разными условіями. Не лишнимъ, думаю, сказать, какъ я понялъ характеръ Грознаго. Кстати приходитъ мнѣ на помощь англійскій писатель Бенъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи (смотри. «Отеч. Зап.» 2-ю книжку сентября) *Объ изученіи характера*:—«Одно изъ обыкновенныхъ душевныхъ волненій, выражающихъ характеръ человѣка, есть любовь къ силѣ. Самымъ чистымъ выраженіемъ его служить то удовольствіе, какое доставляетъ человѣку сознаніе собственного превосходства надъ другими. Пусть это волненіе столкнется съ значительнымъ токомъ мимовольной энергіи, не контролируемой разумомъ и не сдерживаемой другими душевными движеніями, мы получимъ тогда грубую натуру, которая ежеминутно ищетъ случая причинить физическое страданіе, лишитъ свободы, заковать въ цѣпи, словомъ—извлекаетъ удовольствіе изъ мученій ближняго.» Таковъ былъ характеръ Грознаго. Съ дѣтства онъ приучонъ своими пѣстунами рубить и сѣчь, кидать съ высокаго крыльца собакъ и кошекъ, для потѣхи давить конемъ свой будущій народъ. Во время попечительства матери своей Елены Глинской онъ слышитъ только объ интригахъ бояръ, о ссылкахъ ихъ и казняхъ. Мальчикъ дышетъ атмосферой, напитанной запахомъ

крови, убѣжденъ, что ряса схимника, накинутая на плеча умирающаго державнаго владыки, прикроетъ всѣ его преступленія передъ Богомъ. Вышедши изъ-подъ опеки матери, онъ попадаетъ въ ненавистную ему опеку бояръ. Уже правитель народа, лежа на тяжело-болѣзненномъ одрѣ, онъ раздражонъ измѣною ближнихъ своихъ, ожидающихъ только его конца, чтобы обойти вѣнцомъ сына его и надѣтъ этотъ вѣнецъ на *своего* избранника. Вставши съ одра, онъ чувствуетъ, что передъ нимъ стоитъ сила, готовая схватиться съ нимъ и пожалуй стѣснить его права. Но онъ чувствуетъ также, что въ немъ самомъ есть высшая, исполинская сила, способная побороть ту, которая ему грозитъ, и онъ съ орудіями смерти и разрушенія вступаетъ въ предстоящую борьбу. Почувствовавъ удовольствіе побѣды, онъ предается ей, не разбирая жертвъ, лишь бы жертва представляла какую-нибудь силу, олигархическую или остатки вѣчевой. Нельзя отрицать, чтобы онъ, подавляя властолюбіе бояръ, не имѣлъ въ виду поддерживать *худородныхъ* (это намѣтилъ я въ сценѣ съ дьякомъ), но увлекшійся первою задачей, онъ не разрѣшилъ второй. Прибавить надо, что въ немъ инстинктъ силы не былъ, какъ говоритъ Бенъ, контролируемъ умомъ (въ которомъ, конечно, отказать ему нельзя), рабски подчинившимся преобладанію характера, и сдержанъ добрыми движеніями души, кромѣ мимолетныхъ вспышекъ раскаянія, послѣ которыхъ свирѣпѣлъ

онъ еще болѣе. Таковымъ представилъ я эту гигантскую фигуру въ рамкѣ драмы, съ аксессуарами романа, нити котораго онъ схватилъ для потѣхи, но когда увидалъ въ немъ противодѣйствіе своей волѣ жестоко разорвалъ. Кто можетъ сказать, чѣмъ бы онъ былъ, еслибъ родился въ другое время, получилъ другое воспитаніе, обставленъ былъ другими людьми и обстоятельствами?... Петръ Великій уважалъ его память.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.....		<i>Г. Самаринъ.</i>
Князь Аѳанасій Вяземскій..	} совѣтники въ опричникъ	<i>Г. Колосовъ.</i>
Алексѣй Басмановъ.....		<i>Г. Степановъ.</i>
Малюта Скуратовъ.....		<i>Г. Живокини 2-й.</i>
Василій Грязный.....		<i>Г. Оедотовъ.</i>
Федоръ Алексѣевичъ Басмановъ, кравчій, лю- бимецъ царскій.....		<i>Г. Лавровъ.</i>
Елисей Бомелій, врачъ царя, голландецъ....		<i>Г. Рябовъ.</i>
Князь Осипъ Гвоздевъ, царскій шутъ.....		<i>Г. Владыкинъ.</i>
Андрей Морозовъ, сынъ земскаго боярина ..		<i>Г. Вильде.</i>
Прасковья Морозова, мать его.....		<i>Г-жа Васильева.</i>
Князь Иванъ Жемчужный, бояринъ изъ зем- щины		<i>Г. Садовскій.</i>
Наталья, дочь его		<i>Г-жа Федотова.</i>
Молчанъ Семеновичъ Митьковъ..	} бояре земскіе	<i>Г. Шумскій.</i>
Иванъ Петровичъ Федоровъ		<i>Г. Длितревскій.</i>
Иванъ Михайловичъ Висковатовъ		<i>Г. Петровъ.</i>
Захарьевна, мамка Натальи Жемчужной.....		<i>Г-жа Акимова.</i>
Подсѣдина, дьякъ		<i>Г. Никифоровъ.</i>
Сваха		<i>Г-жа Рябова.</i>
1. }		<i>Г. Кремневъ.</i>
2. } слѣпцы, сказочники		<i>Г. Ермоловъ.</i>
1. }		<i>Г. Третьяковъ.</i>
2. } гости		<i>Г. Воронской.</i>
1. }		<i>Г. Дудкинъ.</i>
2. } сидѣльцы		<i>Г. Черневскій.</i>
3. }		<i>Г. Пономаревъ.</i>
Дворецкій		<i>Г. Миленскій.</i>
Посажоная мать Натальи Жемчужной.....		<i>Г-жа Колпакова.</i>
1. }		<i>Г-жа Егорова.</i>
2. } дѣвицы боярскія		<i>Г-жа Чернова.</i>
3. }		<i>Г-жа Мочалина.</i>
Боярыня земская.....		<i>Г-жа Николаева.</i>
Старый опричникъ		<i>Г. Никитинъ.</i>
Молодой опричникъ		<i>Г. Салтеевъ.</i>

Жоны опричниковъ, мальчики, стрѣльцы, опричники, народъ.

*Дана была въ первый разъ на петербургской сценѣ 15-го сен-
тября, на московской 6-го октября 1867 года. Выставлены
только имена московскихъ артистовъ, разыгрывавшихъ ее.*

О П Е Ч А Т К И.

На страницъ 23-й напечатано: Темна вода въ облацѣхъ.

Должно читать: Темна вода во облацѣхъ. *На стра-*

ницъ 30-й напечатано: Какъ будто воздухомъ привыкли

мы. Должно читать: Какъ будто воздухомъ привыкли мы.

Тамъ же въ строкъ 6-й снизу напечатано: Любовью.

Слѣдуетъ читать: Любовью.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Въ немъ яблони, кусты смородинные, березки и подсолнечники. Въ сторонѣ видны за деревьями хоромы боярскія, вдали Кремль. Вечеръ.

Андрей Морозовъ и Захарьевна, *входятъ въ садъ.*

Андрей Морозовъ (*изъ-за куста, за которымъ онъ прятался*).

Что, мамушка моя, что, золотая,
Какія вѣсти?

Захарьевна.

Я ли, мой родной,
Не пораждю для тебя!... И духъ
Захватываетъ, будто вихорь встрѣчный,
Деревья и земля вертятся, словно,
Прости Господь! какое навожденье
Лукавый напустилъ на насъ.... Охъ, охъ!
Того гляди, бояринъ насъ подмѣтитъ
И разомъ голову мою снесетъ!...
Да за тебя, мой птенчикъ дорогой,
Мое ты наливное яблочко,
Охотно въ полымя пойду....

Морозовъ.

Спасибо,

Захарьевна, спасибо, золотая;
Твое добро вѣкъ помнить буду!... Что жъ
Наталія Ивановна?...

Захарьевна.

Вѣдь я

Тебя, голубчика, еще допрежъ Наташи
Вынянчила; отъ самой колыбельки
Ты росъ и выросъ на рукахъ моихъ.
За то самъ взыскивалъ меня добромъ:
То черевичками дарилъ, то *чолкой*.
А ласки? а любовь?... глаза пескомъ
Засыплютъ, развѣ ихъ тогда забуду.
И твой родитель, царствіе ему
Небесное! хоть волоскомъ бы тронулъ
Меня, пока жила у васъ. Бывало,
Все жаловалъ съ боярскаго стола....
Не то, что нынче!

Морозовъ.

Службу намъ твою
Грѣшно забыть. Да ты не говорила
Мнѣ ничего, о чемъ просилъ тебя.

Захарьевна.

Сказать велѣла „будеть“ мой родной!
Сначала гдѣ! руками и ногами!...
Лишь молвила ей, такъ и затряслася
Сердечная, какъ будто молонья